

Все что движется

Известия - 2005 - 21 июня - с. 10.

«Пьеса без слов» Мэтью Борна на Чеховском фестивале

Спектакль Мэтью Борна навеян кинематографом шестидесятых, а точнее, знаменитым фильмом Джозефа Лоузи «Слуга», сценаристом которого стал драматург Пинтер, в спектакле Борна запросто разжалованный в балетные либреттисты — пьесу играют без слов и беспрестанно пританцовывая.

Ольга Гердт

Мэтью БORN прославился как автор скандального «мужского» «Лебединого озера». Шум по поводу этого спектакля, в котором принц вдруг осознает свою гомосексуальность и не о девушке-лебеди грезит, а о прекрасном лебеде мужского пола (все «лебединые» партии в балете исполняют мужчины), не утихает до сих пор. Докатился он и до России, где спектакль видели только на кассетах, а потом друг другу пересказывали, попутно переверая все что можно. БОРН стал легендой в узких кругах, видевших его, но приобрел громкую известность в широких кругах, слышавших о нем. Прямо как Анастасия Волочкова. С той только разницей, что БОРН — человек не только наглый, но и страшно талантливый.

Секрет массового успеха Борна даже не в эпатажности. БОРН доступен, БОРН внятен, БОРН что думает, то и делает. Разумеется, на сцене. И ему действительно не нужны слова. Даже оплеухи в его спектаклях звучат как реплики, не говоря уже о танце, который всегда — либо драка, либо секс, либо любое другое активное времяпрепровождение, не иллюстрирующее, а толкающее сюжет. И он знает, что такое саспенс. На спектакли Борна можно ходить как в кино (своей страсти к величайшему из всех искусств хореограф и не скрывает) — с попкорном и

подружкой (дружком), чтобы было кому уткнуться в плечо, если на сцене происходит что-то очень страшное или неприличное. (Только в титрах к балетам Борна можно встретить «смотреть детям до 12 лет запрещено», как будто детям после 12 сцены гомосексуальной любви рекомендуются). Он ставит «Лебединое озеро» как хоррор в духе Хичкока. Жанр «Кар-Мен» определяет как «эротический триллер» (главный герой здесь не цыганка с табачной фабрики, а брутальный бисексуал-качок, трахающий все, что движется). В «Пьесе без слов» приближается к эстетике киномюзикла и выстраивает действие по законам джазовой композиции Терри Дэвиса, снова гипнотизируя публику простыми, но яркими приемами.

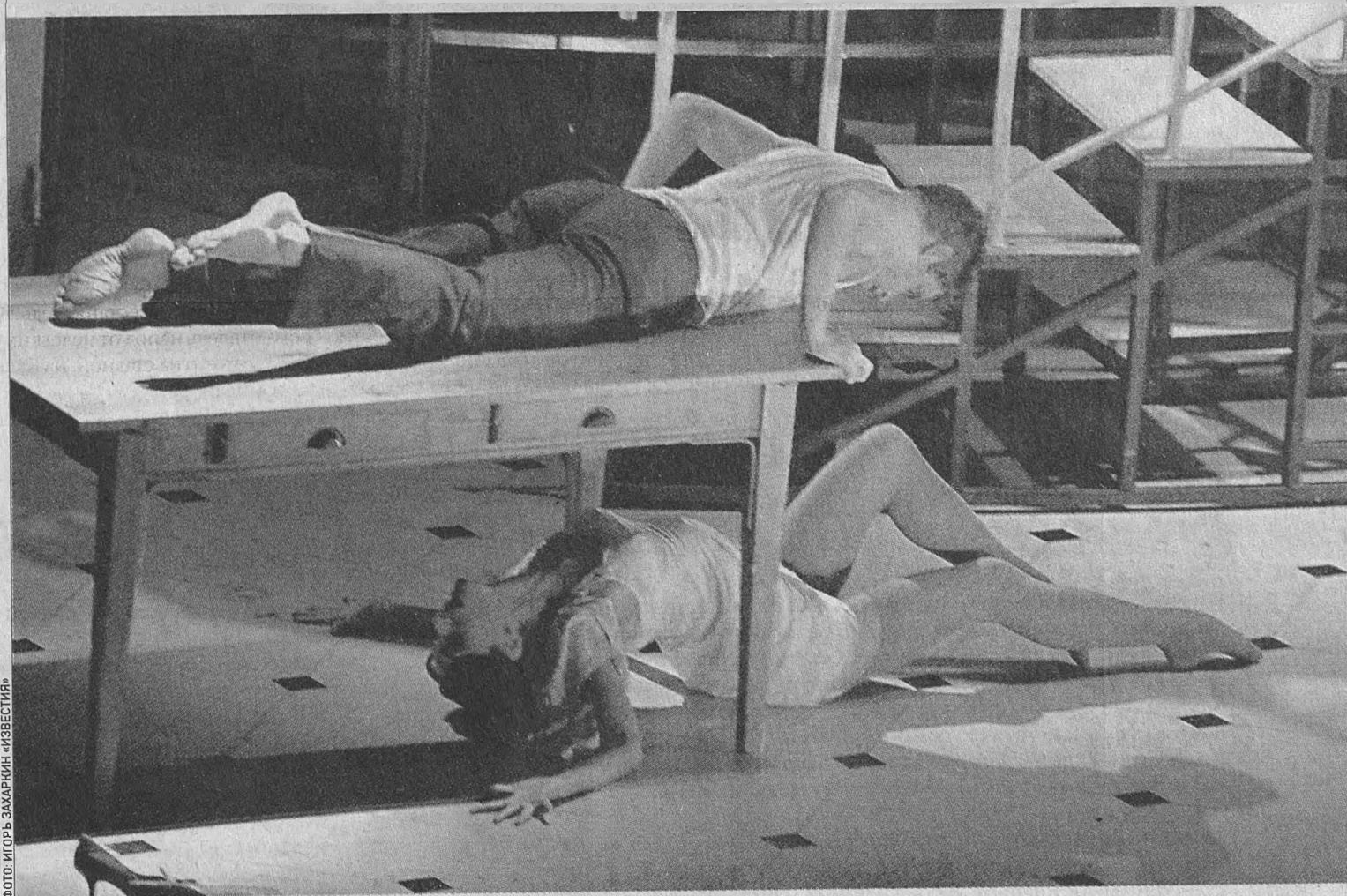
Огни ночного города, лестницы, вращающиеся двери, накренившаяся красная телефонная будка, шпильки, твисты, вечеринки, легкий флирт. Все двойится, тройится и отражается. А еще эти, размножающиеся, как кролики, главные герои, от которых рябит в глазах, как от растражированного в зеркалах танцующего Фреда Астера на старых пленках.

На каждую главную роль БОРН назначает по три исполнителя. На сцене одновременно три хозяина, трое слуг, три любовницы и три горничных. Похоже, единого ритма ради. Три лучше, чем один. Удобнее. Быстрее. Интереснее. Пока один танцует на лестнице, а другой приплясывает на

столе, третий наблюдает за ним в кресле. И нас это не смущает, как в тех же киномюзиклах, где нормальные люди вдруг ни с того ни с сего начинают петь и плясать на улице под дождем или во время обеда.

У Борна танцуют всегда и везде. Присаживаясь в кресло, одеваясь и раздеваясь (пока один слуга одевает господина, другой его раздевает, это удивительно смешно и в то же время практично — как на поделенном пополам экране можно наблюдать сцены, происходящие в разное время и в разных местах). Танцуют, поднимаясь по лестнице, проходя через двери вертушки, отвешивая друг другу пощечины, читая газету, занимаясь любовью. Потому что действуют. Без лишних слов. Потому что задача Борна сделать так, чтобы драматический театр умылся и осознал свою полную бесполезность перед «великими немymi» — танцем и кинематографом.

И неважно, что сцена одевания-раздевания напоминает похожую сцену в «Лебедином», а секс в «Пьесе без слов» той же консистенции и интенсивности, что безудержный трах-перетрах в «Кар-Мен». У Борна есть свои хиты и свои долгоиграющие находки, и своя тема, согласно которой в любом спектакле будет парочка главных героев — трахающий все что движется активный мачо-победитель и пассивный романтик-мечтатель, который всегда в проигрыше. Важно, что БОРН какой угодно сюжет способен обработать в духе наивного балетного либреттиста-романтика и адаптировать для широкой публики. И если его спектакли не становятся балетами в традиционном смысле слова, то только потому, что БОРН, к счастью, никогда не учился классическому танцу.

Любовные сцены в спектакле Мэтью Борна детям до 12 лет смотреть не рекомендуется